

The background features a dark grey field with three overlapping circles of varying shades of blue. A horizontal white band is positioned across the middle of the image, containing the text.

Solovki – Zentrum am Rande





Historische Eckdaten

- ca. 7000 v. Chr. (Jungsteinzeit): Besiedlung der Inselgruppe im Weißen Meer – Errichtung von Steinlabyrinthen auf der sog. Haseninsel (Zajackij ostrov)
- 1429-36 : nacheinander siedeln sich drei Einsiedlermönche auf Solovki an: Savvatij, German und Zosima - religiöse, wirtschaftliche und geopolitische Bedeutung als *frontier*
- 1479 auf dieses Jahr geht die von Zar Ivan III. unterzeichnete Gründungsurkunde des Klosters zurück.
- 1534 wird Fedor Kolyčev als Mönch ins Kloster aufgenommen – 1547 wird er Abt des Kloster – 1566 wird er von Ivan IV. zum Metropoliten von Moskau ernannt – und 1569 wird er im Auftrag des Zaren ermordet
- Mitte 16. Jh.: unter dem Abt Filipp (Fedor Kolyčev) erlebt das Kloster eine erste wirtschaftliche Blüte (Errichtung der steinernen Hauptkirchen, reiche Ausstattung der Klosterbibliothek; Anlage Kanälen auf der großen Insel und Bau eines Damms zwischen der Hauptinsel und der Nebeninsel Muksal'ma; Tierimporte und Begründung einer Rinderzucht usw. (Vgl. Fedotov 1928 oder auch Kolobkov 2004))
- 1560 Klostergefängnis eingerichtet – oft politische Gefangene, die direkt aus dem Zentrum kommen
- 1667-1676 leistet das Kloster Widerstand gegen eine Belagerung durch Truppen des Zaren, welche die Billigung der von Patriarch Nikon durchgeführten Kirchenreform erzwingen wollten.

Historische Eckdaten: Enge Verbindung zwischen Zentrum und Peripherie

- 1765 das Kloster erhält den Status „**stavropigial'nyj**“ – d.h. es ist fortan nicht dem regionalen Episkopat, sondern direkt dem Patriarchen/Moskau untergeordnet.
- 1854, während des **Krimkriegs**, verteidigt sich das Kloster erfolgreich gegen einen Angriff der Engländer mit zwei Kriegsschiffen („Brisk“ und „Miranda“)
- 1870er – 1910er Solovki floriert als **Wirtschaftsstandort** u.a. dank der freiwilligen Ansiedlung zahlreicher nach der Aufhebung der Leibeigenschaft landloser Bauern und wird zugleich zu einem wichtigen Ziel eines **patriotischen Pilgertourismus**
- 1908 wird das Klostergefängnis geschlossen.
- 1910 Eröffnung eines Wasserkraftwerks und einer Radiostation auf der Insel
- 1920 wurde das Kloster geschlossen

Historische Eckdaten: Enge Verbindung zwischen Zentrum und Peripherie

- 1923-1937 **СЛОН** – Соловецкий лагерь особого назначения „Solowetzker Lager mit besonderer Bestimmung“: Straf- und Umerziehungslager, das im Folgenden als Modell für den Ausbau des GULAG-Systems dient.
- 1937-1939 **СТОН**: Lager wird als Gefängnis weitergeführt
- ab 1940 – 1957 (1964) ist auf Solovki eine **Marineschule** untergebracht („Škola Jung“)
- 1967 Eröffnung des „**Zapovednik**“ – Solovki wird als eines der ersten Bauwerke als „**nationales Architekturdenkmal** von großer Bedeutung“ in die sowjetische Denkmalschutzgesetzgebung aufgenommen
- 1989 Eröffnung der ersten **GULAG-Ausstellung** auf Solovki – „Soloveckie kamni“ (Gedenksteine) für die GULAG-Opfer in Solovki, Moskau und Petersburg aufgestellt
- 1990 wurde das **Kloster wiedereröffnet** und erhält seinen alten Status als „stavropigial‘nyj“ wieder
- 1992 das Kloster erhält den Status des **UNESCO-Weltkulturerbe** erklärt

Die Geschichte der russischen Kultur aus der Perspektive von Solovki

- 4 wichtige Spezifika der russischen Geschichte, die die Kultur geprägt haben, charakterisieren insbesondere auch die Geschichte von Solovki:
 - Imperium
 - Enge Verflechtung zwischen Kirche und Staat
 - Autoritarismus
 - Europäische Randlage

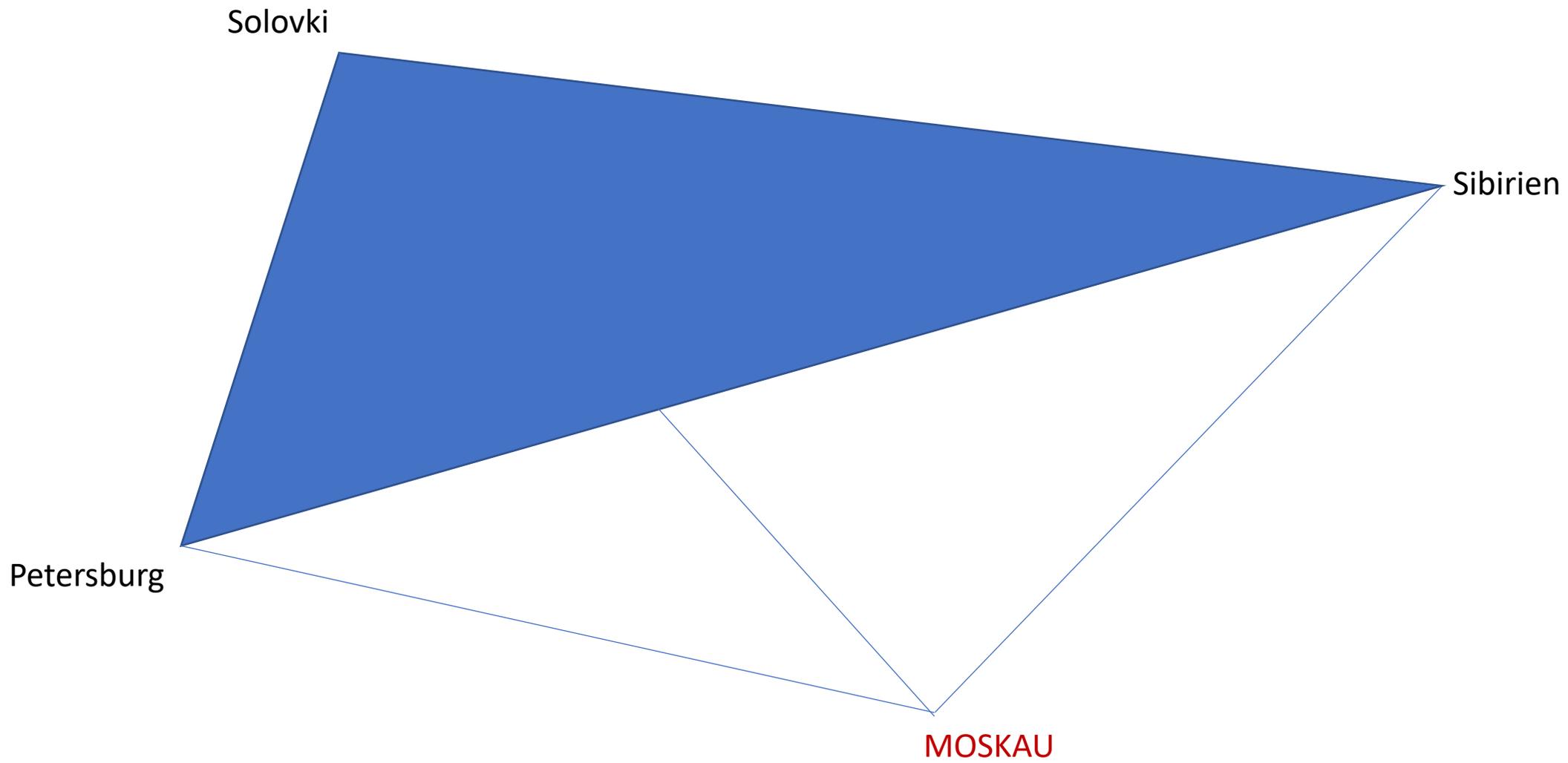
Hintergrund der symbolischen Aneignung der Solovki: kulturübergreifende „Insel“-Semantik

- Insel – Ort des Rückzugs – Überschreitung der Grenze ins Jenseits: Orte des geistlichen/religiösen Rückzug aus dieser Welt in ein rein geistiges Jenseits –
 - erste, vorrussische Funktion von Solovki: Friedhof, Toteninsel.
 - Vgl. Solovki, die Insel – Athos, der Berg (vgl. auch die traditionelle, religiös-kultische Semantik von Inseln und Bergen in vielen Kulturen)
- Insel – Ort des Ausschlusses: Gefangeneninseln (vgl. Sachalin)
- Insel – Ort des imperialen Vorrückens, der Grenzüberschreitung und Entdeckung einer neuen Welt (Robinson) der imperialen Grenzüberschreitung: fontier, „forpost“ (vgl. Vladivostok)
- Insel – Ort/Modell einer idealen Gegenwelt: Utopie (Geschichte der Gattung!)

- Alle diese Dimensionen sind für Solovki relevant, konkurrieren miteinander und überlagern einander palimpsestartig

-> Nationale (zugleich imperiale) Semantisierung

- 1. frontier
- 2. Synekdoché: u.a. pars pro toto / Laboratorium
- 3. nationaler lieu de mémoire
- 4. „wie damals ... so heute“ / nationales Kontinuum



нается о Вогуличахъ въ дѣяніяхъ на-
шей Исторіи.

Въ сіе время былъ основанъ знамени-
тый монастырь Соловецкій, на дикомъ
островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и
болотъ. Еще въ 1429 году благочести-
вый Инокъ Савватій водрузилъ тамъ
крестъ и поставилъ уединенную келлію;
а Св. Зосима, чрезъ нѣсколько лѣтъ,
создалъ церковь Преображенія, устроилъ
Общежительство и выходилъ въ Новѣ-
городъ жалованную грамоту на весь ос-
тровъ, данную ему отъ Архіепископа
Іоны и тамошняго Правительства за
осмью свинцовыми печатями (378). Какъ
въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ
корысти, такъ у насъ Христіанская лю-
бовь къ тихой, безмолвной жизни рас-
ширяла предѣлы обитаемые, знаменуя
крестомъ ужасныя дотолъ пустыни,
неприступныя для страстей человѣче-
скихъ.

Россіяне при Василии Темномъ были
поражены несчастіемъ Греціи какъ ихъ
собственнымъ. Народъ, именуемый въ
Восточныхъ дѣтописяхъ Гоцями, въ

Nationale Semantisierung
beginnt Anfang des 19. Jh.s:

- 1. *frontier*

Nikolaj Karamzin

Geschichte des russischen
Staates, Bd. 2 (1815)

Vasilij Ključevskij (1879):

„In Russland ist das Zentrum an der Peripherie“ – «В России центр — на периферии»

- Ključevskij spricht von „Монастырская колонизация“ –
- "Заселение северного края монастырскими колониями началось в раннюю эпоху христианства в России; прежде других упоминаются в *исторических памятниках* Сергей и Герман (Валаамские)" (В.О. Ключевский: Новые исследования по истории древнерусских монастырей 1869)
- „На этих-то прибрежных, речных и морских землях с развитием новгородской колонизации в Беломорском крае возникали промышленные поселки, ... разбросанные редкими точками на далеких друг от друга пунктах ..." (Vasilij Ključevskij: Chozjajstvennaja dejatel'nost' Soloveckogo monastyrja v Belomorskom krae, Moskva 1867.)

Ključevskij:

Landnahme motiviert durch Christianisierungs- und Kultivierungsmission

- Около половины XV в. **русско-христианская жизнь, занесенная сюда, в среду финского язычества**, русскими поселенцами, ... В неприветливом Корельском крае русскому населению...нелегко было собрать в себе ... столько сил, **чтобы воссоздать на новой, чуждой почве главные основы жизни**, выработавшиеся на родном, давно насиженном месте.
- Такова роль, которая предстояла обители, возникшей на острове Белого моря. **В истории этой обители материальная деятельность ее иноков является в таком тесном соединении с нравственной**, что одна везде неразлучно сопутствует другой. ... Уже первые поселенцы острова, старец Герман с Савватием, а потом с Зосимой, познакомили почву острова с земледельческим орудием.

Nationale Semantisierung 2: pars pro toto (Synekdoché) oder „Modell“ bzw. „Laboratorium“

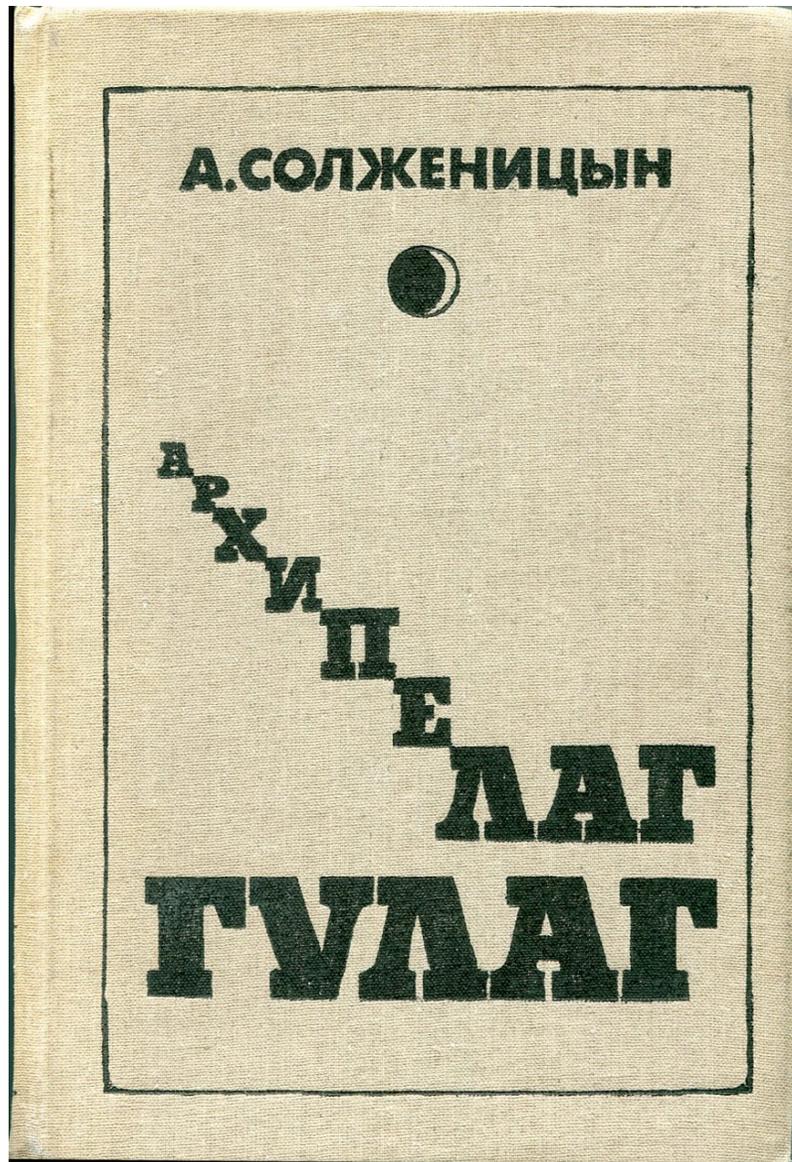
- Maksim Gor'kij
- Aleksandr Solženicyn
- Jurij Brodskij
- Mariusz Wilk

Gor'kij: „Solovki“ (in: *Naši dostiženija* 1930)

- "Соловецкий лагерь особого назначения" - не "Мёртвый дом" Достоевского, потому что там учат жить, учат грамоте и труду. Это не "Мир отверженных" Якубовича-Мельшина, потому что здесь жизнью трудящихся руководят рабочие люди, а они, не так давно, тоже были "отверженными" в самодержавно-мещанском государстве.
- "Соловецкий лагерь" следует рассматривать как подготовительную школу для поступления в такой вуз, каким является трудовая коммуна в Болшеве, мало - мне кажется - знакомая тем людям, которые должны бы знать её работу, её педагогические достижения.
- Мне кажется - вывод ясен: необходимы **такие лагеря, как Соловки** ... Именно этим путём государство быстро достигнет одной из своих целей: уничтожить тюрьмы.

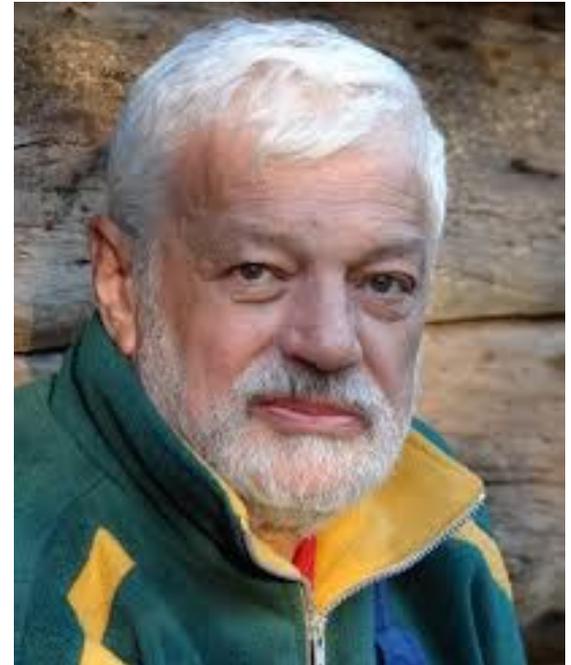
Aleksandr
Solženicyn:
Archipelag
GULag, Teil 3
(1974)

- „Архипелаг, родившийся и созревший на Соловках, начал своё злокачественное движение по стране. ... А за радостным гулом шла бесшумная работа отправки этапов: **из материнской соловецкой опухоли** слали Пятьдесят Восьмую в далекие гиблые места открывать новые лагеря. ... Архипелаг дает метастазы. “



Jurij Brodskij

- *Соловки: 20 лет Особого Назначения*, (1998 италь.) 2002.
- *Соловки: Лабиринт преобразений*, Москва 2017.
- *Соловецкие парадоксы // Соловецкое море 1* (2002)
- «лагерная присказка: сегодня на Соловках – завтра в России» – als Schlüssel zur ganzen Geschichte Russlands
- «символ репрессии» и «символ единения и святости» - как «крест – символ спасения, как ни парадоксально, когда-то был лишь орудием мучительной казни.»





Mariusz Wilk: Wilczy notes, 1998.
(dt. Schwarzes Eis, 2003)

- „Auf Solovki sieht man Russland, wie man das Meer in einem Wassertropfen sieht. Denn die Solovki sind Essenz und zugleich Antizipation Russlands“ (2003, 15)
- „Auf Solovki sieht man Russland in einer Miniaturausgabe, wie auf der offenen Hand: es gibt hier die Staatsmacht, die Kirche und die Kultur im Museum, es gibt ...“ (2003, 18)
- „Die sowjetische Wirklichkeit zeigte im Spiegel von Solovki ihre häßliche Fratze und verwischte die Grenzen zwischen der Welt und dem Jenseits ...“ (2003, 184)

„Die Insel“ –
„остров“:
generalisierende
Synekdoché

- vereint in sich palimpsestartig verschiedene Dimensionen der kulturellen Inselesemantik
- Vgl. den Film von Pavel Lungin „Ostrov“ (2006)

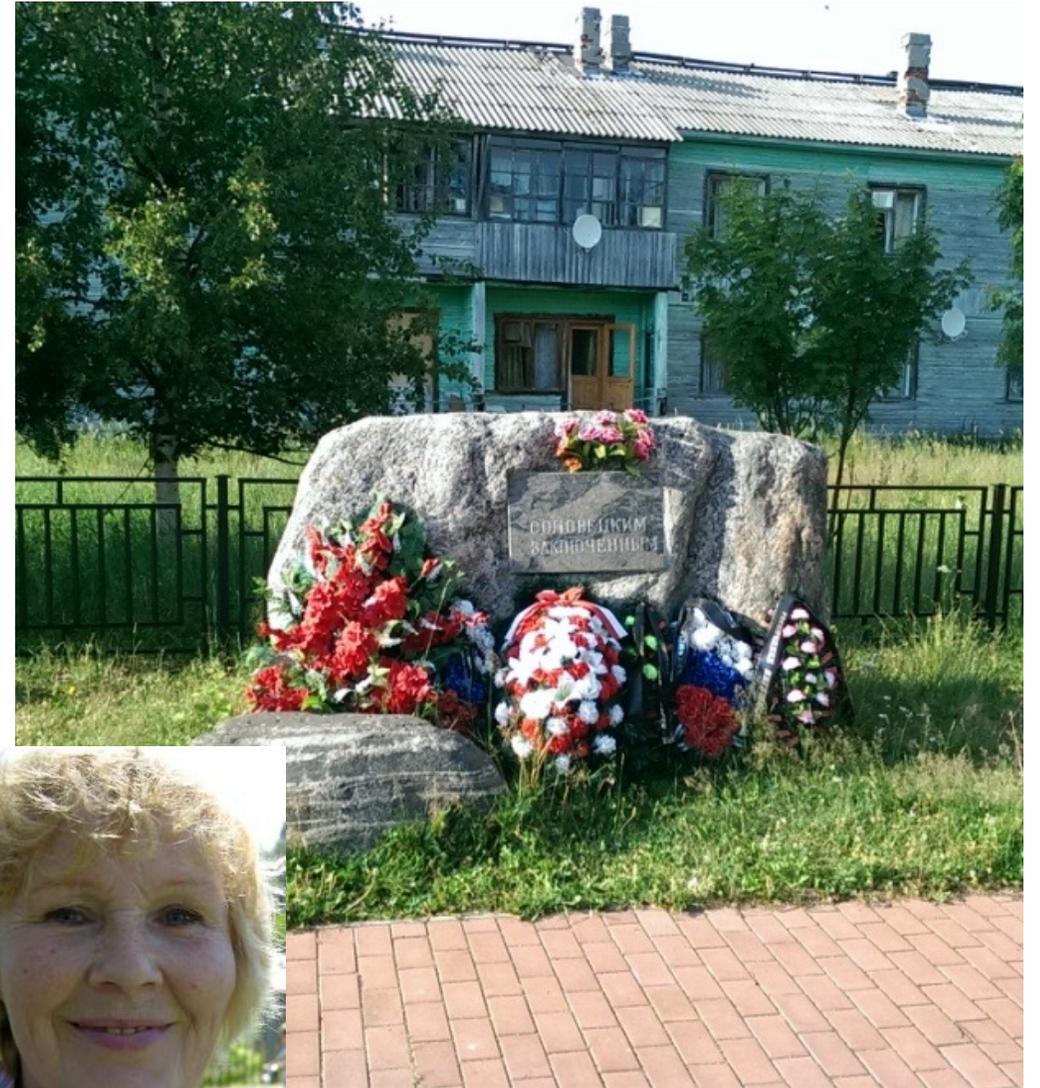
Nationale Semantisierung 3: lieu de mémoire

- Aleksandr Solženicyn: *Archipelag GULag, Teil 1* (1974)
- Oleg Volkov: *Pogruženie vo t'mu* (1960er)
- Film von Marina Goldovskaja und Antonina Sošina „Vlast' soloveckaja“ (als pars pro toto von „Vlast' sovetskaja“)
- Soloveckie kamni (auch: pars pro toto in zweifachem Sinn!)

Nationale Semantisierung 3: lieu de mémoire

Aleksandr Solženicyn: *Archipelag GULag, Teil 1* (1974)

Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я вынес с Архипелага -- шкурой своей, памятью, ухом и глазом, материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах: // перечень 227 имен // **Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым**



Oleg Volkov: *Pogruženie vo t`mu* (1960er, damals von Tvardovskij für *Novyj mir* abgelehnt; zuerst ersch. 1987 in Paris und 1989 in SU)

- ...Много лет спустя, в начале шестидесятых годов, несколько знакомых ученых усиленно уговаривали меня примкнуть к их туристской поездке на Соловки. Я отказался. **Из-за ощущения, что этот остров можно посещать, лишь совершая паломничество. Как посещают святыню или памятник скорбных событий, национальных тяжких дат. Как Освенцим или Бухенвальд. (98)**
- ... если хоть у одного читателя содрогнется сердце при мысли о крестном пути русского народа, особенно крестьянства, о проделанном над ним жестоком и бессмысленном эксперименте, — это будет означать, **что и мною уложен кирпич в основание памятника его страданиям.**

Nationale
Semantisierung 4:
„wie damals ... so heute“
nationale Kontinuität

Юрий Нагибин: «Поездка на острова» (1986)

- „Ты мне, сука, за все заплатишь. Вся вонь от таких, как ты. Вечно ты мне поперек лезешь, всю жизнь. Интеллигент паршивый!“..
- «Знакомая мелодия, – подумал Егошин. – Но неужели это правда?.. Значит, я все-таки не зря коптил небо, если мешал таким, как этот?.. **Ах, как измельчал, как измельчал ты в новом образе, Колычев!**.. Да и враг твой – мелочь... Но это ничего... ничего... Я еще буду... когда-нибудь опять. И тогда прикончу Железную старуху зла...»
- **После революции сюда присылали на перевоспитание тех представителей ленинградской интеллигенции, преимущественно научно-технической, что саботировали мероприятия Советской власти. Они очень много сделали для острова. Можно сказать, продолжили созидательную работу игумена Филиппа.** – Что-то это напоминает... – задумчиво сказал Борский. – Да ладно... Все же непонятно, как при такой осведомленности о глухих временах Ивана Грозного ничего не известно о недавнем прошлом.

Захарь Прилепин *Обитель* (2014)

- „– Но надо помнить, милые, – говоря это, чуть прихрамывающий владычка Иоанн посмотрел на Артёма, пошедшего справа, и тут же на мгновение обратил взор к идущему слева Василию Петровичу, – адовы силы и советская власть – не всегда одно и то же. Мы боремся не против людей, а против зла нематериального и духовного. В жизни при власти Советов не может быть зла – если не требуется отказа от веры. Ты обязан защищать святую Русь – оттого, что Русь никуда не делась: вот она лежит под нами и греется нашей слабой заботой. Лишь бы не забыть нам самое слово: русский, а всё иное – земная суета. Вы можете пойти в колхоз или в коммуну – что ж в том дурного? – главное, не порочьте Христова имени. Есть начальник лагеря, есть начальник страны, а есть начальник жизни – и у каждого своя работа и своя нелёгкая задача.“
- Vgl. der Titel „Obitel“ = Synekdoche

Евгений Водолазкин: Авиатор (2016)

- А <...> – может, он тогда и не виноват, что на отца Анастасии настучал? Может быть, общественные условия виноваты? Гейгер-то, я думаю, так и считает. Но ведь не общественные условия на профессора стучали, а Зарецкий. Значит, он совершил преступление, и то, что его тюкнули по голове, оказалось наказанием. Справедливым, подчеркиваю, наказанием злодея, хотя об этом мало кто знал. Сложнее все выглядит в отношении того, кто его тюкнул. Он – злодей или инструмент справедливости? Или – и то, и другое? (Водолазкин 2016, 343).

Евгений Водолазкин

- Начальника узнал, мерзавца Ногтева. Кстати, о мерзавцах: показалось мне, что мелькнул где-то и Воронин. Он, не он?
- Взять Воронина – кто он сейчас? Груда костей – если его, конечно, не сожгли. Тогда-то какой страх на всех наводил, а теперь – прах, серая фигурка в кадре. Вот я его мерзавцем назвал, продолжаю ненавидеть. Только ведь, если это сейчас происходит, то, получается, ненавижу его нынешнего, а он уже понятно кто. Кого же я тогда ненавижу? Если же я все это чувствую к нему тогдашнему, значит, он – не прах? Может быть, оставшись в моей памяти, Воронин стал частью меня, и я ненавижу его в себе? (188-189).

Евгений Водолазкин

- Что ж, в России все возможно.... Распространенная, должно быть, фраза, если сохранилась даже в моей разрушенной памяти. Есть в ней свой ритм. Не знаю, что за этим стоит, а *фразу* вот помню. <...> В России все возможно, м-да. Есть в этом осуждение, что ли, даже приговор. Чувствуется, что это какая-то нехорошая безграничность, что все направится известно в какую сторону. В какой мере эта фраза касается меня? (23).
-
- У нас с Анастасией *должен* был быть ребенок, но у нас уже *не могло* быть ребенка. Настя несет в себе плоть Анастасии, значит, наш с ней будущий ребенок – это отчасти и ребенок Анастасии. Если бы русская история не была так кромешна, то сейчас Настя была бы нашей общей с Анастасией внучкой. Впрочем, только ли в истории дело? И стоит ли так уж валить все на нее?
- Вот сейчас, я заметил, в России полюбили фразу об отсутствии в истории сослагательного наклонения. Как и в мое время, нынче тоже возникают *фразы*, и их повторяют к месту и не к месту. История, видите ли, не имеет... Может, и не имеет, только бывают случаи, когда она предоставляет словно бы вторую попытку. Это – повторение и одновременно неповторение того, что было.

Vjačeslav Umnjagin

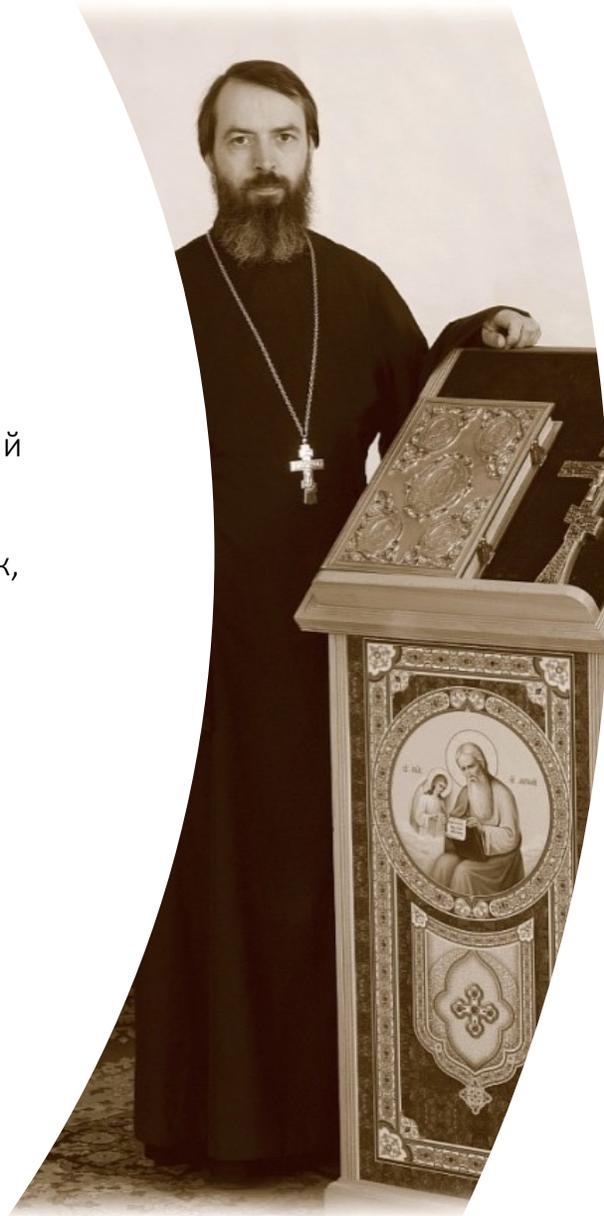
- Если З. Прилепин подвергал сомнению возможность одинакового мировосприятия и мироотображения, то Е. Г. Водолазкин лишает человеческий опыт индивидуальности, а с ним и личной ответственности перед своим сознанием. Впечатление безответственности за мир, созданный героем «Авиатора», его моральная венаходимость по отношению к историческим событиям, участником, деятелем и жертвой которых он стал, усиливается комментарием в аннотации издания. Согласно ему, авиатор – тот, кто способен оторваться «от земли», что можно воспринимать как сознательное бегство от ответственности за свою жизнь и большую историю. (2018)

редактор сайта Соловецкого монастыря,
ответственный редактор книжной серии
«Воспоминания соловецких узников».

Умнягин, В.В. 2018. Образ соловков в русской литературе XX века (на материале воспоминаний соловецких узников и романной прозы 2000-х гг.), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, РАН ИМЛИ, Москва 2018.

Умнягин В.В. 2018. Опыт Преображения в лагерях произведений Б.Н. Ширяева // Соловецкое море №17, 2018

Умнягин, В.В. 2015. Восприятие топонима «СОЛОВКИ» в контексте столетней истории России // Stephanos. 2015. №6(14). С. 163–169.



- **Иерей Вячеслав Вячеславович УМНЯГИН**
Родился в 1972 году в Москве.
Образование: богословский факультет Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (окончил в 2011 году).
Рукоположен в сан диакона – в апреле 2012 года, в иерея – в феврале 2013. С 2012 года и по настоящее время — клирик Подворья Соловецкого монастыря в Москве.

Vjačeslav Umnjagin

- Соловки относятся к числу важнейших мест в сакральном и социокультурном пространстве России. Они представляет собой одну из опорных точек отечественного самосознания и вносят свою лепту в историю человеческого духа. (2018)